

Похвальное слово в адрес МОГИКАН

Коллективу кабинета искусств Горьковской библиотеки

Я помню высокий смысл трактата Эразма Роттердамского и боль Фенимора Купера, писавшего о могоканах девственных лесов. Сегодня, иронически переосмыслив надежды и чувства великих предшественников, я адресуюсь к искусствоведам кабинета на втором этаже библиотеки имени М. Горького.

Дорогие Ольга Михайловна (Барковская), Татьяна Васильевна (Щурова), Тамара Николаевна (Кухарук), Наталья Юрьевна (Резанова), Эмилия Рудольфовна (Бойко), низко кланяясь вам и благословляя каждый ваш шаг, я скажу вам следующее:

— в пошатнувшемся мире трудно сохранить чистоту сердца и профессиональное достоинство, но вы сделали это;

— периоды распада систем не способствуют горению и романтичному порыву созидать вечность, но вы остались верными названным идеалам;

— во времена хаоса никогда не жаловали интеллигенцию с ее верностью культурным традициям, но вы не стали париями;

— абсурдность всеотрицающей поры не сделала вас циниками, и вот за это я благодарю вас;

— не глупость служения преждему, а преданность делу и чистота порыва сопутствуют вам в хорошем вашем деле.

А теперь — о Горьковской библиотеке, ставшей одним из опорных центров и моего становления.

Я пришла под своды большого читального зала еще студенткой. Уже тогда, в конце 60-х, благословила усилия хозяев города, которые в веке минувшем подарили одесситам библиотеку как святилище разума и культуры. И архитектурным решением, и аксессуарами внутреннего убранства это здание внушало уважение к ценностям образования и науки. Здесь, осознав мудрость прошлого, решила я, рождают идеи будущего. Конечно, я была постоянным читателем научной университетской библиотеки, но эта, Горьковская, стала весомым дополнением в моих поисках вечных истин. Тогда казалось, что для их постижения мне хватит отпущенного земного срока. Очередь к окошку выдачи литературы и в зал каталогов были всегда. Я их умела выстоять, и это по тем временам было нетрудно. Культурные разговоры вдохновляли на высокие бдения, авторитет научного поиска не вызывал сомнения.

Потом явились себя другие времена. Сначала "глухие" застойные годы, когда наука постепенно оседала в сырых углах под знаком "умной ненужности". Дитя своего времени, я должна была это осознать. Постепенно приняла к сведению, но, что очень важно, что уже в этот период ко мне пришло новое озарение: вечные истины бытия помогают выстоять в любом отпущенном Богом сроке. Библиотека давала почву для высоких нравственных экзерсисов и право

на романтический полет. Люди, с которыми разговаривала, служили делу, а не лицам, на элитарность и праведность шедевров не посягал никто. Это согревало душу и дарило уверенность в том, что интеллигенция когда-нибудь займет достойное место и в социуме моей страны.

Тяжкими были 90-е годы. Будучи уже филологом-доцентом, волею судеб и многолетних напряжений ума я пришла к большой научной теме о неравномерности как принципе мышления в кризисные и переходные исторические эпохи. Огромный накопленный материал улегся в четкую систему, и стало ясно, как поведут себя мои современники, утратившие ориентиры и так и не осознавшие, что слово "кризис" всегда соседствует с понятием "переходность". То, что современники явления воспринима-

миру понятия "золотой...", "серебряный..." и "бронзовый" русские века, вот в этих эрах я и продолжаю пребывать.

Конечно, растерянному люду жить трудно. Коллектив библиотеки менялся, и так как зарплата ее работников ни в коей мере не соответствовала общему прожиточному минимуму, формой общения многих и многих работников стала явная и скрытая обида на читателя. И сколько же раз пришлось мне, читательнице уже с 30-летним стажем, казалось бы, защищенной билетом научного работника, услышать, осознать, принять вульгарное "нет" в самых различных вариантах высказывания и поведения. Конечно, не вдохновлявших ни к работе, ни к полету.

НО! Вот в этом омуте хаотических перемещений были и остаются прекрасные профессионалы, для которых слово "служи-

ют как крах, в большом историческом времени являет себя только началом перемен. Нам не дано жить в двух исторических эпохах кряду, но четкое знание выстраданных основ бытия (приоритеты добросердечия, высокого разума и чистоты помыслов) дают возможность выстоять и, не суетясь, делать свое дело в расчете на будущее. Элитарные формы искусства, как будто иллюстрируя аристотелев тезис об отражательной функции всех видов изящного мышления, только подтвердили данный вывод. Не бред огульного отрицания, не вульгарные крики, не попытки поймать за хвост летящую комету сиюминутного успеха оказываются фундаментом жизни, а четкое следование высоким идеалам вселенского человеческого бытия. Если говорить об искусстве, то не распад и стелания привлекают читателя и зрителя, а изящество форм и гуманизм содержания. Слава Богу, этим в предыдущие два столетия были богаты русская литература, живопись и музыка, подарившие

"давню ставшее ликом нашей интеллигенции, оказалось "лицом на все времена". Рекомендую студентам объемные списки учебной и научной литературы по общим вопросам культурологии и природе изящных искусств, я с ужасом думала, что вот, и обязательно в период сессии, общим и неуправляемым потоком они хлынут в библиотечный зал и... Потом, придя в этот зал, слышала: "Вы знаете, а ваши студенты приходят с очень грамотно составленным списком литературы". "Боже мой, — думала я, — неужели эти милые женщины успевают заметить и это?". Скажу сразу: ни один мой студент не пожаловался на коллектив кабинета искусств. А их, студентов, у меня на потоке около трехсот, а сессий — две в году.

С О.М. Барковской я училась на одном курсе филфака в университете имени И.И. Мечникова. После его окончания, поехав работать в деревню учительницей, я завидовала ей — работнику изящного ведомства серьезной библиотеки. Мы встре-

тились снова нескоро, но с какой радостью сегодня я констатирую: не только Горьковская библиотека стала радостью бытия и быта нашей Ольги, но и она, моя сокурсница, вписала красивую и цельную страницу в историю этой библиотеки. Скажу, не причесая: я горжусь этим. Универсальность знаний, неизменная доброжелательность, умение вести огромную общественную, издательскую и научно-библиографическую работу — вот профессиональный и, в общем, чисто человеческий лик Ольги Михайловны.

С Т.В. Щуровой я познакомилась уже на месте ее службы. Замечу — ее я побаивалась, уж очень точно она меня поправляла и направляла в нужное библиографическое русло. И вдруг оказалось, что мое имя в ее устах звучит с ласкательным суффиксом "-ечка", что она просит новых членов коллектива помочь мне в моих уже очень серьезных поисках; что она берет на себя труд объяснять: ученый ищет то, что еще не апробировано и не пришло в библиотеку книгой или статьей, нужно найти хотя бы тот информационный ареал, который поможет ему, ученому, сориентироваться в уже сделанном. Спасибо за мудрость, за преданность делу, дорогая Татьяна Васильевна, и, конечно, за ту щедрость души, с которой вы меня утешали и выслушивали.

Тамара Николаевна Кухарук. Мне очень близки ее боль и горение: эта милая женщина всегда была нацелена на поиск себя в культурном и научном пространстве. В чем-то она неутомима, в чем-то красиво непоследовательна, но, взвалив на себя тяжкий диссертационный груз, она несла его упорно и не сгибалась. Каюсь: я удивлялась ей и восхищалась ею. Что касается моих вечных "набегов" на зал искусств, то эмоциональная Тамара Николаевна была всегда предельно терпелива. Из ее уст я услышала и запомнила навсегда: "Я понимаю, таким, как вы, заказ, поступивший сегодня, нужен "на вчера"..."

Наталью Юрьевну Резанову я просто отличала и люблю многие годы. Порой мне кажется, что она воплощает в жизнь те идеи, которые я сама так и не сумела воплотить. Ее телевизионные передачи подкупают информативным богатством и эстетическим цензом изложения. Я люблю и горжусь ею, порой мне кажется, что это сияние таланта замечают не только я и ее сподвижники. Как жаль, если это явление, рожденное фондами "Горьковки" и полетом самой Натальи Юрьевны, останется всерьез не отмеченным...

Эмилия Рудольфовна Бойко пришла в кабинет сравнительно недавно. И как же быстро дух интеллигентной доброжелательности стал ее манерой поведения и работы. Конечно, невероятно трудно сразу и в полном объеме разобраться в фондах и каталожных тонкостях, но надо быть очень культурным человеком, чтоб застенчиво признаться: "Я не могу дать вам полной информации, но мне кажется, вот это вам поможет сориентироваться". Спасибо вам, Эмилия Рудольфовна.

Не могу не сказать и о Наталье Николаевне Черного как моей информационной цитадели. Волею судеб она оказалась причастной к нескольким отделам Горьковской библиотеки, но никогда не отказала мне и моим коллегам в зубодробительном поиске того, что уже есть в фондах, "но, к сожалению, не расписано...". Я удивляюсь ее вечной молодости и незащищенности, иногда вижу надрыв в глазах и слышу боль в словах, но профессионализм и желание помочь читателю остаются ее естеством. Я не дистанцирую Наталью Николаевну от коллектива отдела, в котором пишу: так сложилось, коллектив кабинета искусств и она, совещаясь и дополняя друг друга, стали моими помощниками, сподвижниками, да и первыми читателями уже написанных мной книг.

В юбилейные дни библиотеки не хочется вспоминать о горечи обид и стеланиях. Жанр обязывает сказать о другом. Ненаглядная "Горьковка" выстояла и не утратила статуса научной библиотеки. Если так — она остается кузницей воспитания знающих и интеллигентных людей, которые составляют основу любой нации. Пусть не обидят ее лучших работников слова, вынесенные в название статьи: наша общая "глупость" служения кажется таковой только примитивным обывателям; наше "могиканство" означает только чистоту незапятнанной детскости, с которой истинно культурные люди приходят в этот мир. Для чего? Чтоб он стал более гармоничным и по-прежнему о Вечном.

В. СИЛАНТЬЕВА

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой зарубежной литературы
Одесского национального университета
имени И.И. Мечникова

